

мировой войны. Через призму судьбы сербской княгини автор поведала о бурных событиях 1917 г.

Можно сказать, что данная монография представляет собой книгу о жизни не просто сербской принцессы, но о всей Константиновской ветви дома Романовых. Книга повествует о русско-сербских отношениях и связях в контексте Балканских войн и Первой мировой войны, во время Февральской и Октябрьской революций в России. И одной из нитей, связывающих русский и сербский народы в истории, стала именно Елена Петровна, которая разделила судьбу обоих народов.

Библиография

Кузьмичева Л. В. Сделай все, чтобы нас венчали в России... Свадьба внучки короля Черногории и правнука русского царя // *Родина*, 2006, № 3, с. 58–64.

Алексеева Т. А. «В те счастливые времена...»: к 100-летию бракосочетания князя императорской крови Иоанна Константиновича и королевы Сербской Елены Петровны // *Констан-*

тиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. Сборник статей. СПб., 2011, с. 111–144.

References

Kuz'micheva L. V. Sdelaj vse, chtoby nas venchali v Rossii... Svad'ba vnuchki korolya SChernogorii i pravnuka russkogo carya [Do everything in order to get us married in Russia... The wedding of the granddaughter of the king of Montenegro and the great-grandson of the Russian emperor] // *Rodina* [Motherland], 2006, № 3, s. 58–64. (In Russ.)

Alekseeva T. A. «V te schastlivye vremena...»: k 100-letiiubrakosochetaniaknia-ziaimperatorskoikroviIoannaKonstantinovicha i korolevy Serbskoi Eleny Petrovny ["In those happy times ...": on the occasion of the 100th anniversary of the marriage of the prince of imperial blood, John Konstantinovich and Queen of Serbia Elena Petrovna] // *Konstantinovskii dvortsovo-parkovyi ansambl': issledovaniia i materialy. Sbornik statei* [Konstantinovsky Palace – Park Ensemble: research and materials. Digest of articles]. Sankt-Peterburg, 2011, s. 111–144. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640010335-6

© 2020 г. Т. Ю. Тимофеева

РУССКИЕ МУЗЕИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Рец. на книгу: C. Kuhr-Korolev, U. Schmiegelt-Rietig, E. Zubkova In Zusammenarbeit mit Eichwede W. Raub und Rettung. Russische Museen im Zweiten Weltkrieg. Wien – Köln – Weimar: Böhlau Verlag, 2019, 384 S.

Тимофеева Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).
E-mail: vladimirka52@yandex.ru

T. Yu. Timofeeva

RUSSIAN MUSEUMS IN WORLD WAR II

Rec.ad op.: C. Kuhr-Korolev, U. Schmiegelt-Rietig, E. Zubkova In Zusammenarbeit mit Eichwede W. Raub und Rettung. Russische Museen im Zweiten Weltkrieg. Wien – Köln – Weimar: Böhlau Verlag, 2019, 384 S.

Tatyana Timofeeva, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
E-mail: vladimirka52@yandex.ru

Монография немецко-российского авторского коллектива «Разбой и спасение. Русские музеи во Второй мировой войне» (Вена – Кёльн – Веймар, 2019 г.) опубликована как первый том серии исследований по перемещенным во время Второй мировой войны культурным ценностям.

Эта серия начата Культурным фондом германских земель и фондом «Прусское культурное наследие» по инициативе «Германо-российского музейного диалога».

Книгу К. Кур-Королёв, У. Шмигельт-Ритих и Е. Ю. Зубковой, написанную в сотрудничестве

с В. Айхведе, можно рассматривать не только как один из весомых научных итогов работы российских и германских ученых, но и, учитывая непростые условия для международного сотрудничества в последние годы, и как знаковый пример доброй воли историков, искусствоведов и музейных работников Германии и России. Авторы призывают стороны внимательно слушать друг друга и превратить искусство из «военного трофея в посла мира» (с. 36).

В центре внимания авторов находится не столько судьба отдельных музейных предметов из собраний северо-востока России, сколько история музейных коллекций в период войны в комплексе, их целенаправленное разграбление немецко-фашистскими войсками и долгий путь на родину. Изучению подверглись и условия, в которые попали российские музеи по мере продвижения гитлеровских войск по советской территории. При этом отмечено, что эвакуировать в тыл музейщики успели не более трети экспонатов, остальные подверглись грабежу и вывозу в Германию.

В процессе работы над темой авторы при поддержке фонда «Фольксваген» (ФРГ) в 2010 г. инициировали международный научно-практический colloquium с участием сотрудников музеев и архивов двух стран, ученых, и представителей министерства культуры России. В результате удалось добиться комплексного обсуждения изучаемых проблем. Этот многофакторный подход к изучению судьбы культурных ценностей в полной мере нашел отражение в монографии.

Авторский коллектив обратил особое внимание на разработку научно-справочного аппарата. После двух вводных разделов следует краткий исторический обзор развития Германии и Советского Союза в межвоенное время (с. 17). Мировая революция для большевиков была немыслима без участия Германии. На немецкий протекторат В. И. Ленин и его соратники возлагали основные надежды. Даже когда тщетность этих надежд стала очевидной, Веймарская республика представлялась в видении СССР во многом жертвой империалистического диктата Версальского договора. Международная изоляция толкала Советскую Россию и Веймарскую Германию друг к другу; шло сближение культурного пространства эпохи «золотых двадцатых». В 1930-е годы СССР вступил в эпоху форсированной индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и сталинской культурной революции. Строительство социализма в СССР сопровождалось массовыми репрессиями. На Германию опустилась коричневая тень национал-социалистической диктатуры, реализовавшей свои расовые человеконенавистнические идеи в «войне на уничтожение» на Востоке. Одной из жертв этой войны не могла не стать культура.

Авторы монографии очерчивают круг инстанций, участвовавших в планировании грабежа

культурных сокровищ советских республик, кратко характеризуя их функции и полномочия. Если о роли в этом процессе оперативного штаба рейхсleiterа А. Розенберга и института «Анненербе» известно много, то действия зондеркоманды СС «Кюнсберг» и специальных групп вермахта по «охране памятников искусства» вряд ли хорошо знакомы даже заинтересованному читателю.

Основательный характер работы подчеркивает размещение в начале книги параграфа по методологии исследования грабежа культурных ценностей. Авторы утверждают, что «разбой в сфере культуры — это не только и не столько статистика и цифры, какими бы ужасающими они ни были» (с. 29). Особый упор создатели книги делают на методы микроистории, в том числе микроистории музейного дела, которые должны помочь «проследить путь страданий искусства в его деталях, осветить национал-социалистическую практику и открыто поставить вопрос конкретной ответственности за варварские деяния на местах» (с. 29–30). Следует поддержать авторов в отстаивании тезиса, что с учетом биографического аспекта и роли конкретных персонажей можно по-новому поднять тему анализа и оценок ведения преступной войны во всей ее полноте. Нельзя обойти вниманием и то, какую ценность имели музейные собрания Петергофа, Павловска, Царского Села в глазах советских людей.

В книге содержится перечень персоналий, стоявших «по обе стороны» линии «культурного фронта» и активно участвовавших в изучаемых событиях, а также указание на принципиально новый комплекс источников, использовавшийся в проекте, — интервью и личные контакты с детьми немецких солдат и офицеров, предоставивших авторам неизвестные до этого страницы дневников и писем их отцов. Эти источники личного происхождения сделали возможным рассматривать биографический аспект как равнозначный в целеполагании исследования.

Монография базируется на солидной источниковой базе, приоритет в которой имеют архивные фонды Федерального архива ФРГ в Берлине и Кобленце, Военного архива во Фрайбурге, архивов германских университетов, городов, музеев. С российской стороны были использованы релевантные фонды государственных архивов в Москве и Санкт-Петербурге, а также документы музеев северо-востока России. Полный список архивов с указанием шифров и названий фондов приведен в конце книги, за ним следует обширный список литературы по теме, а также именной указатель.

Основная часть монографии возвращает нас к историческому фону и обстоятельствам развития России и Германии в межвоенный период, но уже в специализированном поле политики в сфере культуры и музейного дела.

Эту часть, написанную Е. Ю. Зубковой, можно объяснить преимущественной ориентацией книги на немецкую аудиторию, не знакомую с подробностями российской истории.

«Война дворцам», по мнению авторов, окончилась благополучно, большевистская власть объявила о своем внимании к охране культурных памятников. Новая жизнь ожидала дворцы Санкт-Петербурга и его пригородов, Новгород и Псков проявили внимание к древнерусскому искусству, некоторые церкви были даже реставрированы. Однако если отвлечься от окрестностей Петербурга и московских музеев, то картина будет вовсе не такой радужной. Многие «дворцы» помещиков вместе с библиотеками, собраниями картин и другими ценностями погибли во время революции в огне классовой ненависти или в результате небрежения и отсутствия средств на их содержание. Частично авторы сами опровергают свое утверждение тем, что указывают на борьбу в 1920-е годы народного комиссариата просвещения против других ведомств и учреждений, которые не желали замечать и принимать в расчет исторические здания, произведения искусства и другие культурные объекты. Даже музеи, которые без исключения со всеми ценностями отныне принадлежали государству, рассматривались тогда в первую очередь как средство просвещения масс с целью воспитания их в духе классовой ненависти к эксплуататорам и их искусству, чуждому пролетариату.

Культуре между «коммерцией и политикой» посвящен отдельный параграф в монографии, где особое внимание уделяется широкомасштабной экспроприации предметов культа у Церкви и торговле предметами из музейных коллекций в 1920-е — начале 30-х годов. Только со второй половины 1930-х годов, отмечают авторы, идеологические ориентиры сталинской власти изменились и сосредоточились на возврате к традиционным имперским приоритетам и национальным традициям. Наследие классового врага было в полной мере признано «памятниками и свидетелями прошлого», которые «требуют встраивания в историческую перспективу» (с. 63).

Обращение к германскому историческому контексту в сфере культурной политики начинается с констатации факта экономической эксплуатации оккупированных территорий под предлогом возмещения потерь в период Первой мировой войны и в соответствии с буквой грабительского Версальского договора. Грабеж был подготовлен заранее экспертами музейного дела и ведущими искусствоведами, которые составляли списки сокровищ на оккупированных и еще только могущих подвергнуться завоеванию территориях — в качестве примера можно привести доклад директора берлинских музеев О. Кюммеля в августе 1940 г. (с. 67), выполненный по поручению министра просвещения и пропаган-

ды Й. Геббельса. Среди тех, кто досконально знал историю и особенности русского искусства и оказывал реальную помощь нацистским учреждениям, следует назвать выходца из Прибалтики сотрудника Кюммеля Н. фон Хольста.

Наиболее недооцененным историками участником грабежа культурных ценностей оккупированных областей в любой стране следует, по мнению авторов, считать германский вермахт — армейские отряды и группы, которые занимались «охраной памятников культуры». Авторы вступают в полемику с распространенным в историографии мнением, что на занятых германскими войсками территориях СССР охраны культурных памятников со стороны германских военных не существовало, так как славяне и их наследие не принимались в расчет творцами нацистской «пирамиды рас».

Опираясь на архивные первоисточники, У. Шмигельт-Ритих, написавшая главу о германских интересах в сфере культуры, утверждает, что уже в июле 1941 г. были предприняты попытки изучения немцами памятников культуры на территории СССР. Но они были отложены из-за быстрого продвижения вермахта вглубь советской территории (с. 77). Роль этих мероприятий, проводимых в группе армий «Север», недооценивается в историографии (с. 78). Главным действующим лицом в проведении этих мероприятий в зоне ответственности группы армий «Север» был граф Эрнст-Отто цу Зольмс-Лаубах. Он организовал демонтаж Янтарной комнаты в Екатерининском дворце. В Пскове граф-нацист инициировал выставку русского искусства: ее посещение рекомендовалось немецким военнослужащим для проведения культурного досуга. Наряду Зольмс-Лаубахом, в выявлении и сборе памятников русского искусства участвовали офицеры вермахта Гельмут Перзеке, Кристиан Гюндель, Вернер Кёрте, Гаральд Келлер. Не все их акции преследовали цель грабежа. Организованные вермахтом в Пскове археологические раскопки могли сравниться с квалифицированной довоенной экспедицией, в которой бок о бок работали россияне и немцы. Конечно, немецкие специалисты не могли обойтись без российских коллег и пытались заручиться их помощью и содействием. Судьба тех из них, кто сотрудничал с оккупантами, сложилась трагично: они или были осуждены как пособники фашистов, или были вынуждены бежать из России вместе с отступавшим вермахтом. Археолог и искусствовед Василий Пономарев, бургомистр Новгорода во время немецкой оккупации, закончил свои дни в Марбурге, навсегда покинув в 1944 г. родные места.

В следующей главе книги К. Кур-Королёв обращается к ситуации, в которой в военное время находились музеи северо-востока России. Трагедия войны обрушилась на памятники культуры в полной мере — они подвергались грабе-

жам, мародерству, бомбежкам, уничтожению, в частности от неподходящих условий хранения в подвалах и убежищах. Историк утверждает, что война застала эту сферу культуры совершенно неподготовленной. Планирование эвакуационных мероприятий началось только после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. и отставало даже на бумаге от темпов вторжения вермахта. К эвакуации было предназначено около 5 тыс. объектов, в то время как по инвентаризации музеев в окрестностях Ленинграда таких объектов было около 300 тыс. (с. 95). Обманчивая уверенность советского командования в 1941 г. в скором перенесении военных действий на территорию врага отягчалась убеждением нацистской верхушки рейха и командования вермахта в отсутствии любых правовых норм в «расовой войне», ведущейся с целью уничтожения и подавления «неполноценных» народов. Памятники и сокровища культуры в этой системе координат рассматривались как военные трофеи победителей.

К. Кур-Королёв переходит к главной теме исследования — судьбе собраний и фондов дворцов и музеев Пушкина, Павловска, Петергофа, Гатчины (Красногвардейска), Новгорода, Пскова; отдельный параграф посвящен музеям Ленинграда во время блокады.

На основе разнообразных источников, включая как официальные, так и личные документы, воспоминания, дневники советских людей, в том числе и коллаборационистов, а также солдат и офицеров вермахта, автору удалось воссоздать не только основные события и факты, но и атмосферу, чувства и настроения современников — от бытовых трудностей до нечеловеческой жестокости оккупационных властей. Демонтаж культурных сокровищ не заставил себя ждать; одним из первых объектов грабежа стала Янтарная комната в Екатерининском дворце бывшего Царского Села, за ней последовали систематические акции по вывозу ценностей в 1942–1943 гг. В основном, демонтажу и вывозу подлежали объекты, имевшие «германское» или западноевропейское происхождение; русские шедевры зачастую не воспринимались равноценными им. Не скрывает К. Кур-Королёв и легкомысленных ожиданий немецких солдат, иллюстрируя их фотографией одного из «фронтowych туристов» в трофейной треуголке на фоне царского дворца.

Кроме Янтарной комнаты, автор рассказывает о судьбе Готторпского глобуса, статуй Геркулеса и Флоры в Пушкине, разграблении дворцов Павловска, демонтаже и вывозе фонтанов Петергофа. Наиболее трагичные страницы посвящены разбою и преступлениям нацистов в Петергофе и Красногвардейске, где после освобождения глазам советских солдат предстали дымящиеся руины, в которых нелегко было даже узнать бывшие дворцы. Их обстановка была вывезена или уничтожена. Главное украшение Боль-

шого каскада Петергофа, бронзовая статуя Самсона, была демонтирована в сентябре 1942 г. По неподтвержденным данным, эта статуя вместе с другими фигурами была отправлена на переплавку. Отмечая большую потребность германского экономического штаба «Ост» в сырье, автор склонна поддержать эту гипотезу: документы свидетельствуют об отправке из Петергофа в ноябре 1942 г. «для военных целей» 15 250 кг бронзы. Предположения о хищении Самсона можно считать «романтическим мифом» (с. 185–186).

Разделы о судьбе памятников культуры Новгорода и Пскова написаны У. Шмигельт-Ритих и дополняют материалы о пригородах Ленинграда. В Новгороде и Пскове методы «охраны» со стороны вермахта и уполномоченных инстанций не отличались от ленинградских, хотя отдельные попытки выставить трофейные предметы русского искусства для знакомства с ними немецких солдат и офицеров и здесь имели место. Архивные фонды и собрание древнерусских книг Новгородской библиотеки были вывезены в Ригу, некоторые предметы культа были хаотично распределены между вновь открытыми храмами Пскова и Новгорода, иконы музейных собраний каталогизированы. Все это не могло предотвратить неконтролируемые грабежи, а также торговлю иконами, о которой повествуют документы немецких властей.

Драматична история одной из главных псковских святынь — иконы «Богородица Псково-Покровская». Икона была не только прекрасным образцом православного искусства, но и документальным свидетельством — на ней была изображена часть древнего Пскова. Фотографии иконы помогли послевоенным реставраторам восстановить некоторые здания в их историческом облике, а сама икона была неожиданно выставлена в 1970 г. в Мюнхене как экспонат одной из частных немецких коллекций. Владельцы утверждали, что купили ее после войны на одном из блошиных рынков. В 1998 г. Вольфгангу Айхведе удалось убедить 90-летнюю владелицу иконы в необходимости возвратить ее в Россию (с. 261). 7 сентября 2001 г. святыня, переданная властями ФРГ России, вернулась во Псков и была установлена в Троицком соборе.

С отступлением вермахта церкви вновь закрывались, многие из них были повреждены или разрушены артиллерийскими снарядами и бомбами. Не удалось спасти сокровища Тихвина, хотя часть из них немцы пытались укрыть во Пскове. В январе 1944 г. советские солдаты освободили почти полностью разрушенные древнерусские города Новгород и Псков.

В двух заключительных главах монографии авторы рассматривают проблемы поиска и реституции культурных ценностей после Второй мировой войны — от создания органов по охране и поиску предметов искусства и культуры в 1943–1944 гг. до решения конкретных вопро-

сов репараций и реституции после войны. Эта сфера характеризовалась ожесточенными дискуссиями и попытками изолированных решений и действий. В результате ни о какой согласованной политике в оккупационных зонах союзников на территории Германии речь не шла; не могли найти общего языка и эксперты.

В соответствии с главной задачей монографии авторы уделяют особое внимание вопросам поиска и возврата культурных ценностей в СССР из той части территории Германии, которая составляла советскую зону оккупации. Говоря о многолетнем безрезультатном поиске Янтарной комнаты, К. Кур-Корольв высказывает мнение, что Янтарная комната сгорела в замке Кёнигсберга при штурме города. Историк поднимает вопрос о задачах армейских трофейных бригад, которые наряду с выявлением и сбором сырья и материалов занимались и вопросами реституции в сфере культуры, хотя эта деятельность не имела для них первостепенного значения. Автор упоминает компенсаторную реституцию как один из видов легитимации вывоза германских культурных ценностей в СССР. Отмечается, что строгая секретность и обилие инстанций, на которые была возложена задача их выявления, сыграли свою роль в неопределенности путей, которыми собрания германских музеев и частные коллекции вывозились в Советский Союз, а также в неясности вопроса, что именно было вывезено. Однако судьбу многих предметов искусства проследить все же возможно, например, статуй Геркулеса и Флоры из Петергофа, которые были обнаружены среди металлолома, предназначенного к переплавке, и возвращены в СССР.

Принцип транспарентности в вопросах культуры является одним из основополагающих. Следует согласиться с мнением Кур-Корольв, что деятельность западных союзников в Германии по вопросам перемещенных культурных ценностей в настоящее время исследована гораздо лучше, чем Советского Союза; база источников по этой теме без ограничений открыта для исследователей.

Центральный сборный пункт в Мюнхене, находившийся под контролем американцев, проделал огромную работу по поиску и возвращению награбленных и собранных нацистами культурных ценностей, прежде всего в рамках «Особой миссии Линц». Речь шла о создании в Третьем рейхе в австрийском городе Линц, где прошли детские годы Гитлера, крупнейшего

музея искусства, преимущественно германских народов.

Идентифицируя происхождение, инвентаризируя фонды немецких музеев и даже некоторые частные коллекции, американские эксперты много сделали для возврата в СССР культурных ценностей, которые были вывезены из советских республик нацистами и обнаружены в западных оккупационных зонах Германии. В 1946–1948 гг., уже после начала «холодной войны» из западных зон Советскому Союзу были переданы сотни тысяч предметов. Некоторые из них находились в ужасном состоянии; 41 реституционный запрос советской стороны остался без ответа (с. 306). Эта активность западных оккупационных властей хорошо исследована в германо-, франко- и англоязычной историографии; наиболее значимые труды указаны авторами монографии. При этом вызывает удивление, что советская и российская историография вопроса реституции на страницах книги почти не представлена.

Авторы констатируют, что в СССР было возвращено много объектов, имевших второстепенную ценность, однако можно говорить о достаточно высоком проценте возврата награбленного в музейные комплексы северо-востока России. Следует отметить мнение авторов, что трудно судить о релевантности статистических данных, так как довоенный учет в российских музеях был организован фрагментарно.

Последняя глава, написанная российским историком Е. Ю. Зубковой, касается вопросов истории советских музеев северо-востока России до конца XX в., хотя основной акцент сделан на первые послевоенные годы и начало реставрационных работ. Глава представляет большой интерес для немецкого читателя, который в меньшей степени знаком с усилиями по возвращению памятникам культуры их первоначального облика. Е. Ю. Зубкова не отказывается от освещения разных подходов к реставрации в зависимости от ее целей и планов использования объектов культуры. Не скрывает автор и проблемы, связанные с понятием компенсаторной реституции.

О трудной, долгой и разнообразной работе по возрождению дворцов и парков пригородов Санкт-Петербурга, музеев и собраний Новгорода и Пскова кратко рассказывается в завершающем разделе монографии, что делает ее фундаментальным исследованием, интересным как отечественной, так и зарубежной читательской аудитории, в том числе историкам и искусствоведам.